

RU

Языковая репрезентация масленичного обряда колодки в кубанской традиции

Финько О. С.

Аннотация. Цель исследования заключается в выявлении терминологии и этнокультурной семантики масленичного обряда вязания колодки на Кубани. Научная новизна состоит в том, что в исследовании впервые описывается терминология кубанского обряда колодки в этнолингвистическом аспекте. Результатом исследования стало описание «плана содержания» кубанской масленичной традиции, основанное на внутренней реконструкции обряда и обрядовой лексики, т.е. систематизации данных о кубанской традиции, и на внешней реконструкции - описании кубанского масленичного обряда и обрядовой лексики на фоне родственных традиций. Большое внимание в работе уделено анализу семантических сдвигов в терминологии обряда.

EN

Linguistic Representation of Maslenitsa Rite of Roping Blocks in the Kuban Tradition

Finko O. S.

Abstract. The aim of the study is to identify the terminology and ethno-cultural semantics of the Maslenitsa ritual of roping blocks in the Kuban region. The scientific novelty lies in the fact that the paper for the first time describes the terminology of the Kuban rite of roping blocks in the ethno-linguistic aspect. The result is a description of the “content plan” of the Kuban Maslenitsa tradition based on the internal reconstruction of the rite and ritual vocabulary, i.e. the systematization of data on the Kuban tradition and on the external reconstruction - a description of the Kuban Maslenitsa rite and ritual vocabulary against the background of related traditions. Much attention is paid to the analysis of semantic shifts in the terminology of the rite.

Введение

Традиционная культура Кубани относится к числу традиций вторичного образования, поскольку в силу исторических факторов формировалась она относительно поздно (с конца XVIII в.) на основе двух метропольных культур – южнорусской и восточнорусской. Этнический, географический и исторический аспекты послужили причиной развития ряда специфических черт, отличающих кубанскую традиционную культуру от материнских и родственных традиций, среди которых следует отметить вариативность, контаминацию, унификацию и появление новых элементов на всех уровнях материальной и духовной культуры (Финько, 2015, с. 191-193). Описание процессов, протекающих при контактах этнических культур и языков переселенцев на осваиваемых территориях, а также результата данных процессов, то есть возникновения вторичных лингвокультур, является важной задачей на стыке таких наук, как история, этнография, этнолингвистика. Актуальность представленного исследования определяется малоизученностью говоров и культуры Кубани как диалектной традиции вторичного образования.

Поставленная цель предполагает решение ряда задач: 1) обобщить исследовательские данные об обрядовой семантике ритуального действия вязания колодки в славянских традициях; 2) описать терминологию и обрядовую семантику масленичной традиции вязать колодку на Кубани; 3) рассмотреть кубанский обряд и обрядовую терминологию на фоне материнских традиций, выявить сходства и различия.

Решение задач исследования возможно в русле такой области научного знания, как этнолингвистика, теоретические основы которой разработаны научной школой выдающегося слависта, академика Н. И. Толстого. Научные труды представителей данной школы послужили теоретической базой нашего исследования

(Толстой, 1995; Славянские древности, 1999). Основу методологического аппарата составляет этнолингвистический подход, который заключается в единовременном рассмотрении развития языка и этнического развития его носителей, процессов дивергенции и конвергенции языка и этноса (Толстой, 1995, с. 32-35). В работе применяются приемы внутренней реконструкции обряда и обрядовой терминологии, т.е. обращение к этнолингвистическим данным собственно кубанской традиции, и приемы внешней реконструкции, связанные с привлечением для сопоставления сведений родственных традиций.

Материалом для исследования послужили этнолингвистические данные, зафиксированные автором от информантов в поселениях северо-западной части Кубани, а также сведения из опубликованных научных трудов, посвященных традиционной культуре региона.

Практическая значимость заключается в том, что результаты исследования могут быть применены для обобщенного изучения традиционной культуры и говоров Кубани и их локального своеобразия. Этнолингвистические и этнографические данные могут использоваться в лексикографии, а также для выявления закономерностей формирования традиций вторичного образования.

Основная часть

Обрядовая семантика и терминология вязания колодки у славян

Диалектная культура Кубани складывалась более двух веков назад на основе традиций казаков-запорожцев и переселенцев из Курской и Воронежской губерний. Таким образом, образовавшиеся на территории культура и говоры представляют собой смесь восточнорусских и южнорусских элементов, которые оказались в изоляции от материнской украинской традиции и в русскоязычном окружении. В силу отмеченных фактов считаем целесообразным изучение традиционной культуры и языка Кубани в сопоставлении с материнскими и родственными лингвокультурами. Несомненно, воспроизводимый на территории Кубани масленичный обряд вязания колодки имеет общеславянские корни, однако обрастает новыми смыслами, выявление которых и происходит на фоне исходных традиций.

В народном календаре празднование Масленицы совпадало с окончанием периода свадеб. И, как отмечал российский и советский этнограф, диалектолог и фольклорист Д. К. Зеленин, в масленичной традиции у восточных славян присутствуют обряды, с одной стороны, направленные на величание молодых, вступивших в брак в течение последнего года, с другой стороны, – обряды, целью которых было наказание тех, кто не сумел устроить семейную жизнь. К масленичным обрядам поощрения новобрачных относятся *вьюнишник*, т.е. пение песен с поздравлениями; *целовник*, обряд целования молодой, и скатывание ее мужа с горы на санках; а также обычай приходиться к теще на блины. С целью же наказания молодых людей за безбрачие, по свидетельству Д. К. Зеленина (1991, с. 406), бытовал своеобразный обряд привязывания колодки, который был распространен преимущественно у украинцев и белорусов. Согласно данным этнолингвистического словаря «Славянские древности» (1999, с. 541), приуроченный к Масленице обычай был известен также западным славянам, жителям западнорусских, южнорусских областей, а также словенцам.

Поскольку кубанская лингвокультура формировалась на основе южнорусской и восточнорусской традиций, рассмотрим значение лексемы «колодка» в толковых словарях русского и украинского языков. Итак, под словом *колода* подразумевается короткое толстое бревно (Словарь украинского языка..., 1908, с. 270; Даль, 2006, с. 138). Уменьшительная форма *колодка* могла обозначать деревянный предмет в виде бруса, пень, деревянные кандалы, деревянный предмет в форме ступни для шитья обуви, деревянный обувной каблук (Даль, 2006, с. 139). *Колодками* называли небольшую колоду, а также сложенные у дворов бревна, на которых сидели во время собраний в праздничный день крестьяне (Словарь украинского языка..., 1908, с. 271). В толковании понятия *колодка*, данном в словаре украинского языка под редакцией Б. Д. Гринченко, отмечено обрядовое масленичное употребление атрибута. Под *колодкой* подразумевался «обрубок дерева, привязываемый женщиной неженатому мужчине въ понедельник сырной недели; мужчина должен волоčiti колодку, пока не откупится» (Словарь украинского языка..., 1908, с. 271). Д. К. Зеленин (1991, с. 406) сообщает, что в украинской традиции обрядовая *колодка* напоминала приспособление, которое надевали свиньям, пролезавшим в огороды, или деревянную ножную колодку, которую использовали как кандалы для арестантов.

Далее рассмотрим обрядовую терминологию и этнокультурную семантику вязания колодки в славянских традициях. Обряд колодки совершался на масленичной (сырной) неделе, обычно в понедельник, замужними женщинами и заключался в привязывании деревянного короткого бревна холостым парням и девушкам в знак осуждения или наказания за то, что они не вступили в брак в положенное время. Иногда колодку привязывали и родителям провинившихся молодых людей. Колодку нельзя было самостоятельно снять, для начала нужно было откупиться. Ритуальное действие получило свое название по тому предмету, который в нем использовался, и терминология обряда в славянских традициях оказалась идентичной: рус., укр., бел. *волоčiti колоду*; укр., бел. *тянуть колодку*; рус., бел., укр. *цеплять, вешать, вязать колодку* (Славянские древности, 1999, с. 541). Однако в более поздней традиции произошла замена ритуального предмета колодки на ленту или шарф, которую девушки крепили булавкой к рукаву парня, с сохранением исконного названия обряда (Зеленин, 1991, с. 406).

Обрядовое значение привязывания колодки связано с народным представлением о сакрализации жизненного цикла человека, равного «веку» или «доле», которое требовало заполнения пропущенных этапов жизни отдельного человека, хотя бы символически, средствами ритуала. По мнению этнолингвиста Т. А. Агапкиной,

привязывание «колодки» холостым парням и девушкам символизирует брак, в связи с чем сам ритуал воспринимается как способ побуждения молодежи к супружеству и его магическое провоцирование (Славянские древности, 1999, с. 441). Известный этнограф и антрополог А. К. Байбурун (1993, с. 141) размышляет о роли обряда колодки в урегулировании внутренних и внешних связей общества. Ученый полагает, что, по всей видимости, обряд был призван обеспечить стабильность и благополучие коллектива во времени, обязательным условием чего является своевременный переход брачноспособной молодежи в новый статус.

В жизненном цикле вступление в брак – обязательный этап, пропуск которого отдельным человеком негативно сказывается на благополучном существовании всего общества. В народном представлении брак является обязательством человека перед обществом, поскольку обеспечивает продолжение рода и возобновление жизненного цикла по формуле: жизнь – смерть – жизнь. Старая дева или перестарок, то есть люди, не вступившие вовремя в брак, считались отклонением от нормы, поэтому общество следило за тем, чтобы молодежь в положенное время совершала переход из одного социального статуса в другой. Виновников наказывали вязанием колодки. Ответ на вопрос, почему именно данный атрибут использовался в ритуале, остается неполным. Есть мнения, что предмет отождествлялся с колодкой для свиней, ограничивавшей их возможность передвижения, или устройством для обездвиживания арестантов. Оба примера реализуют семантику наказания. Можно предположить связь с колодой-гробом, в данном случае обрядовая колодка могла воплощать мотив смерти или символизировать прекращение рода в случае невступления в брак.

Обрядовая семантика и терминология вязания колодки в кубанской масленичной традиции

Кубанские масленичные обряды наглядно демонстрируют проявление специфики народной культуры и языка региона. В соответствии со сведениями одного из очевидцев, казака станицы Динской, военного врача и доктора медицины С. М. Мащенко (1962), масленичная традиция на Кубани в XIX в. не отличалась разнообразием обрядов. Кроме того, наблюдались значительные расхождения с великорусской традицией: «Наступала Масленица. Она у нас на Кубани не пользовалась таким почетом, как в России северной и средней. В станицах не имели понятия о блинах. Ели только вареники, приготовлявшиеся в каждой семье в продолжение всей недели. Можно сказать, что вареники у нас были то же, что в России блины. Не было в станицах и катаний на тройках, и гуляний, как то было в России. Было, впрочем, в обычае в последние дни перед Великим постом ходить к родственникам и близким знакомым в гости “прощаться”, то есть просить друг у друга прощения. Не обходилось при этих “прощаниях” и без выпивки, но шумного разгула не было» (с. 18).

Из воспоминаний очевидца следует, что исконные масленичные обряды были значительно редуцированы на Кубани. Однако перечисленные казаком С. М. Мащенко традиции бытуют в кубанских станицах и хуторах до настоящего времени. Не упоминает только автор масленичный обряд вязания колодки, который совершался практически повсеместно, но с некоторой вариативностью. И в настоящее время встречаются упоминания о нем.

Надо отметить, что названия обряда колодки на Кубани в целом сходны с терминологией метрополных традиций. В говорах отмечены такие общеславянские наименования, как *вешать колодку*, *вязать колодку*, *чиплять колодку*, *привязать колодку*, *волочить колодку*. Однако в плане обрядовой семантики кубанского обряда наблюдается ряд отличий от его воплощения в материнских традициях. В первую очередь следует отметить значительную вариативность проявления обрядовой семантики вязания колодки на Кубани, что связано, очевидно, с широкой географией мест, из которых традиция была принесена переселенцами. Кроме того, на кубанских землях обряд стал обрастать новыми элементами и смыслами.

Итак, вариативность присутствовала относительно времени проведения обряда. Традиционно обряд колодки приурочен к Масленице. Например, в станице Кубанской обрядовое действие проводили в первый день масленичной недели, как положено в исконной традиции; в ст-це Бесленевской – в среду и в четверг (Бондарь, 2003, с. 86). В станице Черноерковской обряд совершался в заговенье, то есть в день перед началом поста: «*Туди на заговны сходяця, называлося колотку вязать... Хто ны ожинывся, пока уже низя будэ свайбы гулять*» (ст-ца Черноерковская). Однако в большинстве кубанских поселений обряд не был закрепленным за определенным днем: колодки вязали, начиная с первого дня и до воскресенья (Прощеного дня) (Бондарь, 2003, с. 85-86).

Надо отметить, что порой обряд колодки вовсе не был приурочен к Масленице. Например, в хуторе Верхнем отмечен случай привязывания колодки в день празднования Покрова Пресвятой Богородицы (14 октября): «*То вжэ дева, шо нэ выйшла замиж. А вин нэ жэнывся. В Покрови сказано: Прийшла Покрова, зарэвла дивка, як корова. Ужэ сватать нэ будуть. Як раз загивны будуть. Купы ему там шо-нибуть, ленточкой привяжи. До руки. А туди, давай на стол готов. Ужэ ты, друг, нэ ожэнывся в пост. Оцэ колодка ему привязалася. Или бутылочку ему привяжи. Хочь ленточку привяжи до руки*» (х. Верхний). Смысл обычая при этом остается тем же. В канун Рождественского поста завершается осенний период свадеб, существует запрет на празднование свадеб в пост, и молодежь, достигшую брачного возраста, порицали за безбрачие.

Далее отметим вариативность в вопросе, кому привязывали обрядовый атрибут. Так, в Темрюкском районе колодки вязали не женившимся парням и не вышедшим замуж девушкам. Действие совершали «старички», т.е. семейные люди, утром любого дня масленичной недели (Бондарь, 2019, с. 132). В Кореновском районе обряд совершался над девушками, не вышедшими замуж, особенно строго относились к девушкам, отказавшим сватам. Однако в ст-це Дядьковской Кореновского района информанты сообщают о том, что колодку привязывали не женившимся молодым людям (Бондарь, 2015, с. 135). В Усть-Лабинском районе объектами масленичного обряда становились не только молодые девушки и парни, но и вдовцы и вдовы, а также старые

девы (Бондарь, 2018, с. 163). В ряде станиц установлен факт вязания колодки родителям провинившейся молодежи. В станицах Ладужской, Неберджаевской, Варениковской колодки вязали в основном девушкам. В отдельных случаях фиксировались некоторые особые требования к исполнению обряда, например необходимость заставить парня или девушку спать; в х. Кубанском колодки вязали только девушкам, отказавшим сватам (Бондарь, 2003, с. 87).

Сами обрядовые атрибуты, колодки, также отличались значительным разнообразием. Несомненно, наиболее архаичной реализацией обряда является привязывание деревянной колоды, и упоминания о такой форме встречаются довольно часто: *«Как не женился, значит все... Я даже вытачивал на токарном станке. Вытачивал колодку. Прицепляли. Деревянные такие чурки были. Можешь полотенцем обвязать»* (г. Славянск-на-Кубани). Интересно, что в качестве масленичных колодок могли использовать настоящие обувные колодки или их миниатюрные копии размером с наперсток, иногда это были небольшие деревянные элементы с отверстием для шнура и цветком, обтянутые тканью (Бондарь, 2015, с. 135).

Наряду с обрядовым символом в деревянном исполнении в станицах и хуторах использовались колодки, воплощенные в других разнообразных формах. Функцию колодки могли выполнять ткань для платья, головной платок для девушки или носовой платочек для молодого человека, рубашка, варежки, любой другой предмет одежды, булавка, лента, рушник или бутылка с водкой. В описании обряда информанты сообщают, что участники обряда дарят эти предметы виновнику. Таким образом, можем наблюдать, как деревянная колодка, предмет для наказания, трансформируется в подарок, и применение подобного атрибута уже не является настолько унижающим, как в исходном варианте обряда. Однако заметим, что применение не деревянной колодки является лишь вариантом исполнения обряда, который хронологически использовался примерно в тот же период, что и аутентичный символ из дерева, о чем можно сделать вывод, сравнивая сообщения информантов даже одного населенного пункта: *«Давайте ёму причепым колотку! На углу у деда и бабы, було, колодка. Здорова. А мы чиплялы. Славки шутя пишли и привязали колодку»* (ст-ца Черноерковская). / *«Яка замизж ны пишла, або нэ ожэныця. Туди на заговны сходяця. Называлося колотку вязать. Нээшь або на платья, як до невесты идэшь, як до хлопця – рубашку. Прынысли, подарылы. Спываемо, гуляем»* (ст-ца Черноерковская). Так, в приведенных контекстах, записанных от двух информантов в одном населенном пункте, упоминается о разных формах обрядового символа: в первом сообщении говорится об использовании реальной деревянной колоды, во втором – о колодке как подарке в виде материала для платья или рубашки. Полагаем, ритуальное значение замещающего атрибута не менее важно. Сам факт одаривания свидетельствует о воплощении семантики наделяния долей, что является одним из главных мотивов семейной обрядности.

На Кубани известны и другие интересные формы колодки. В ст-це Тбилисской зафиксированы случаи употребления колодки в виде листьев от старой кукурузы, а в ст-це Темижбекской – куклы из ткани. Листья кукурузы цепляли старым девам, а кукол – девушкам, еще не вышедшим замуж (Бондарь, 2003, с. 135). В ст-це Черноерковской использовали цветок, очевидно, из бумаги, наподобие свадебных цветов: *«Паринь гуляе и гуляе давно, ны жэныця. Ну, собираюця хлопцы и дивчата: “Давайтэ ему колотку привязжим”. А колотка яка – бутылка воткы и цвиток ему чипляють. И вин носытымэ той цвиток, покы ны найдэ соби невесты. Называюця колодка. В види шуткы. Вин его чи в карман положе, носэ. Должэн носыть, покуда вин нэ жэныця»* (ст-ца Черноерковская). В приведенном сообщении информант отмечает магическое значение колодки в виде цветка: колодка в данном случае выполняет функцию замещения невесты. В свадебной обрядности цветок традиционно является символическим воплощением девушки и девичества.

Кроме того, следует обратить внимание на частые упоминания собеседниками о сопровождении ритуала празднованием и весельем, что сближает данное событие со свадебным торжеством.

Действительно, часть информантов повествует о близком родственным традициям обряде, когда виновник, которому прицепили колодку, должен откупиться, у него требуют *могорыч*, то есть водку или другой алкогольный напиток и угощение: *«На масленицу. Можешь полотенцем привязать на ногу. На ногу вязжут. На ногу привязали. Ну а потом, как не женился, ставит могорыч»* (г. Славянск-на-Кубани). Описанный обряд в целом соответствует обряду в материнской традиции, послужившей основой для формирования культуры Кубани. Однако нередки упоминания о ряде особенностей, которые сближают вязание колодки со свадьбой. Эту связь можно проследить, например, в использовании атрибутов, традиционных для свадебного обряда: цветов, рушников, подарков, лент. Один из информантов сообщает даже о приглашении гостей родителями не женившегося до поста молодого человека с целью вязания колодки. Семья устраивала торжество с угощением. Гости, в свою очередь, одаривали виновника: *«Яка замизж ны выйдэ, и хлопэць нэ ожэныця. Цэ аж на будущий год. Собирають батькы, ничего робыть: “Прыхотэте до нас колотку вязать!”. Колодку кумови вязать. Ну, колодку: парнёви рубашку понесем, як нээм подарок»* (ст-ца Черноерковская). Надо сказать, что описанное в данном сообщении действие уже не воспринимается как наказание, скорее как провоцирование дальнейшего вступления человека в брак и благополучный переход на следующий этап жизненного цикла.

Заключение

Таким образом, приходим к следующим выводам. Кубанский обряд вязания колодки относится к числу общеславянских масленичных обычаев. Терминология кубанского обряда идентична наименованиям других славянских традиций. Однако в значении лексем, репрезентирующих вязание колодки на Кубани, наблюдаются

процессы семантической редукции по сравнению с материнскими культурами. Трансформация значений обрядовых терминов связана прежде всего с широкой вариативностью масленичной традиции на Кубани, которая выражается и в форме самого ритуального атрибута, и в содержании обычая. Стоит отметить, что в обрядовой практике лексическая единица находится в тесной взаимосвязи с реалией, которую она обозначает, и изменения или вариации в обряде обуславливают неизбежные изменения в лексическом значении термина. В завершение отметим сходные и отличные элементы значения кубанского обычая, номинируемого как *вязать колодку*, и соответствующей традиции в материнских культурах. Так, в кубанской обрядности репрезентируется исконное, свойственное исходным традициям значение вязания колодки, которое заключается, во-первых, в ритуальном наказании молодежи за безбрачие, во-вторых, в побуждении к браку посредством привязывания колодки к ноге. Однако на Кубани также можем наблюдать сближение вязания колодки со свадебным обрядом, что не свойственно родственным славянским традициям.

Перспективой дальнейшего исследования является реконструкция терминологии и обрядовой семантики других элементов кубанской масленичной традиции, таких как Прощеное воскресенье и обрядовые яства.

Источники | References

1. Байбурин А. К. Ритуал в традиционной культуре. СПб.: Наука, 1993.
2. Бондарь Н. И. Календарные праздники и обряды кубанского казачества. Краснодар: Кубанькино, 2003.
3. Бондарь Н. И. Календарные праздники, обряды, фольклор // История, этнография, фольклор Кубани: в 4-х т. Краснодар: Книга, 2015. Т. I. Кореновский район (материалы Кубанской фольклорно-этнографической экспедиции) / науч. ред., сост. Н. И. Бондарь, А. И. Зудин.
4. Бондарь Н. И. Календарные праздники, обряды и фольклор // История, этнография, фольклор Кубани: в 4-х т. Майкоп: Качество, 2018. Т. III. Усть-Лабинский район (материалы Кубанской фольклорно-этнографической экспедиции) / науч. ред., сост. Н. И. Бондарь, А. И. Зудин.
5. Бондарь Н. И. Календарные праздники, обряды и фольклор // История, этнография, фольклор Кубани: в 4-х т. Ростов н/Д: Печатная лавка, 2019. Т. IV. Темрюкский район (материалы Кубанской фольклорно-этнографической экспедиции) / науч. ред., сост. Н. И. Бондарь, А. И. Зудин.
6. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4-х т. М.: Русский язык - Медиа, 2006. Т. 2.
7. Зеленин Д. К. Восточнославянская этнография. М.: Наука, 1991.
8. Машенко С. М. Отрывок из воспоминаний о Кубани шестидесятых годов прошлого века // Кубанский исторический и литературный сборник. 1962. № 18.
9. Славянские древности: этнолингвистический словарь: в 5-ти т. / под ред. Н. И. Толстого. М.: Международные отношения, 1999. Т. 2.
10. Словарь украинского языка, собранный редакцией журнала «Киевская старина»: в 4-х т. / ред., с доб. собств. мат. Б. Д. Гринченко. К., 1908. Т. 2.
11. Толстой Н. И. Язык и народная культура. Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. М.: Индрик, 1995.
12. Финько О. С. Семейные обряды Кубани на фоне материнских традиций (этнолингвистический анализ) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2015. № 11-3 (53).

Информация об авторах | Author information

Финько Ольга Сергеевна¹, к. филол. н.

¹ Кубанский государственный университет (филиал в г. Славянске-на-Кубани)

Finko Olga Sergeevna¹, PhD

¹ Kuban State University (branch in Slavyansk-on-Kuban)

¹ kucherenko07@yandex.ru

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 01.05.2022; опубликовано (published): 29.07.2022.

Ключевые слова (keywords): этнолингвистика; этнолингвистический подход; традиционная культура; обряд; обрядовая терминология; ethnolinguistics; ethnolinguistic approach; traditional culture; rite; ritual terminology.